

4. МВД пресекло деятельность двух Telegram-каналов мошенников. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25629541> (дата обращения: 10.01.2026).

5. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» : приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гарина О. В., 2026

© Бабенкова А. И., 2026

УДК 323.28:343.3

Горячева Н. Ю. — заместитель начальника кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА И РОЛИ ЖЕНЩИН В МИРНЫХ ПРОЦЕССАХ

COUNTERING VIOLENT EXTREMISM IN THE CONTEXT OF PEACEBUILDING AND THE ROLE OF WOMEN IN PEACE PROCESSES

Аннотация. В статье проводится комплексный и углубленный анализ проблемы противодействия насильственному экстремизму через призму миростроительства с особым акцентом на роль женщин в мирных процессах. Исследуется эволюция концепций безопасности от жестких милитаризованных контртеррористических мер к превентивным социально-

политическим технологиям, базирующимся на устойчивости локальных сообществ. Подробно анализируется глобальная повестка «Женщины, мир и безопасность» (Резолюция СБ ООН 1325), ее достижения и стагнация в условиях современных геополитических реалий, а также проблема недостаточного представительства женщин в официальных переговорных процессах. Особое внимание уделено специфике Российской Федерации, в частности новой Стратегии противодействия экстремизму, утвержденной в конце 2024 года, которая делает ставку на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей и института семьи как главного барьера на пути радикализации. На основе обширного массива международной и отечественной научной литературы, а также отчетов международных организаций, выявляются ключевые детерминанты вовлечения женщин в экстремистскую деятельность и их потенциал как независимых агентов миростроительства. Сформулирован вывод о необходимости интеграции гендерно-чувствительных подходов в государственные стратегии безопасности при сохранении национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: насильственный экстремизм, миростроительство, мирные процессы, роль женщин, гендерный подход, радикализация, устойчивость сообществ, стратегия безопасности, традиционные ценности, международное сотрудничество.

Abstract. The article provides a comprehensive and in-depth analysis of the problem of countering violent extremism through the prism of peacebuilding, with a special focus on the role of women in peace processes. The evolution of security concepts from hard militarized counter-terrorism measures to preventive socio-political technologies based on the resilience of local communities is examined. The global Women, Peace and Security (WPS) agenda (UNSCR 1325), its achievements, and stagnation in the context of modern geopolitical realities, as well as the problem of women's underrepresentation in formal negotiation processes, are analyzed in detail. Special attention is paid to the specific context of the Russian Federation, in particular the new Strategy for Countering Extremism approved at the end of 2024, which relies on the protection of traditional spiritual and moral values and the institution of the family as the main barrier to radicalization. Based on a vast array of international and domestic scientific literature, as well as reports from international organizations, the key determinants of women's involvement in extremist activities and their potential as independent agents of peacebuilding are identified. The conclusion formulates the need to integrate gender-sensitive approaches into state security strategies while preserving national and cultural identity.

Keywords: violent extremism, peacebuilding, peace processes, role of women, gender approach, radicalization, community resilience, security strategy, traditional values, international cooperation.

Современная архитектура международной и национальной безопасности находится в стадии глубокой трансформации, спровоцированной изменением самой природы социально-политических конфликтов и беспрецедентной эскалацией глобальной нестабильности. Традиционные, исключительно силовые и принудительные методы контртеррористической деятельности демонстрируют свою ограниченность в борьбе с идеологической базой терроризма, что обуславливает необходимость концептуального перехода к стратегиям противодействия насильственному экстремизму (далее – ПНЭ), интегрированным в парадигму миростроительства. В этом контексте критически важной, но исторически недооцененной силой превентивного воздействия выступают женщины. Интеграция гендерного фактора в процессы раннего предупреждения радикализации и трансформации конфликтов на низовом уровне открывает новые возможности для формирования глубинной устойчивости обществ. Целью настоящего исследования является доскональный анализ пересечения повесток миростроительства и ПНЭ с особым акцентом на статистически подтвержденную роль женщин в мирных процессах, а также оценка суверенного опыта Российской Федерации, сформировавшего в конце 2024 года обновленную нормативную базу профилактики экстремистских угроз.

Фундаментальный анализ теоретико-методологических оснований современной конфликтологии позволяет констатировать, что миростроительство (peacebuilding) представляет собой не просто акт прекращения огня, а сложную социально-политическую технологию, направленную на предупреждение конфликтного потенциала до его перехода в активную фазу противоборства и восстановление отношений на базе согласования ценностных ориентаций [1, с. 448]. В рамках данного подхода противодействие насильственному экстремизму рассматривается как деятельность, направленная на убеждение индивидов отказаться от использования идеологически мотивированного насилия. Как показывают прикладные исследования профильных некоммерческих организаций, процесс радикализации неразрывно связан с локальным контекстом и стимулируется комбинацией «подталкивающих» (push) факторов, таких как эндемическая коррупция, ущемление прав, социально-экономическая депривация, и «притягивающих» (pull) факторов, включающих целенаправленную пропаганду, предлагающую иллюзию героизма, родства и материальной выгоды [2, с. 39]. Следовательно, дерадикализация и обеспечение устойчивости (resilience) сообществ возможны исключительно при вовлечении широких слоев гражданского общества в устранение указанных коренных причин.

В этой многоуровневой архитектуре ПНЭ гендерная динамика долгое время оставалась «слепым пятном» для политиков и исследователей. Лишь с принятием в 2000 году Резолюции Совета Безопасности ООН 1325

была официально оформлена глобальная повестка «Женщины, мир и безопасность» (WPS), признавшая, что женщины несут непропорционально тяжелое бремя конфликтов, но при этом обладают уникальным потенциалом миротворцев. Дальнейшее развитие эта линия получила в Резолюции 2242 (2015 г.), впервые напрямую увязавшей задачи WPS с контртерроризмом. Однако академический дискурс, как отмечает К. П. Томаро, до сих пор подвержен стереотипизации: участие женщин в программах ПНЭ часто конструируется либо через «логику защиты» (женщина как пассивная жертва гендерного насилия), либо через эссенциалистскую «логику материнского агентства» (женщина как природенный миротворец), что нивелирует понимание того факта, что женщины также могут выступать добровольными участницами и вербовщицами экстремистских ячеек [3, с. 349; 14, с. 3].

Эмпирические данные последних лет демонстрируют удручающий регресс в вопросах имплементации повестки WPS на официальном межгосударственном уровне (рисунок).

Как наглядно демонстрирует рисунок, в 2024 году на фоне 61 активного конфликта (самый высокий показатель с 1946 года) женщины составляли в среднем лишь 7 % участников мирных переговоров, 14 % посредников и 20 % подписантов мирных соглашений; при этом в 9 из 10 переговорных процессов они не были представлены вовсе [4, с. 10–11].

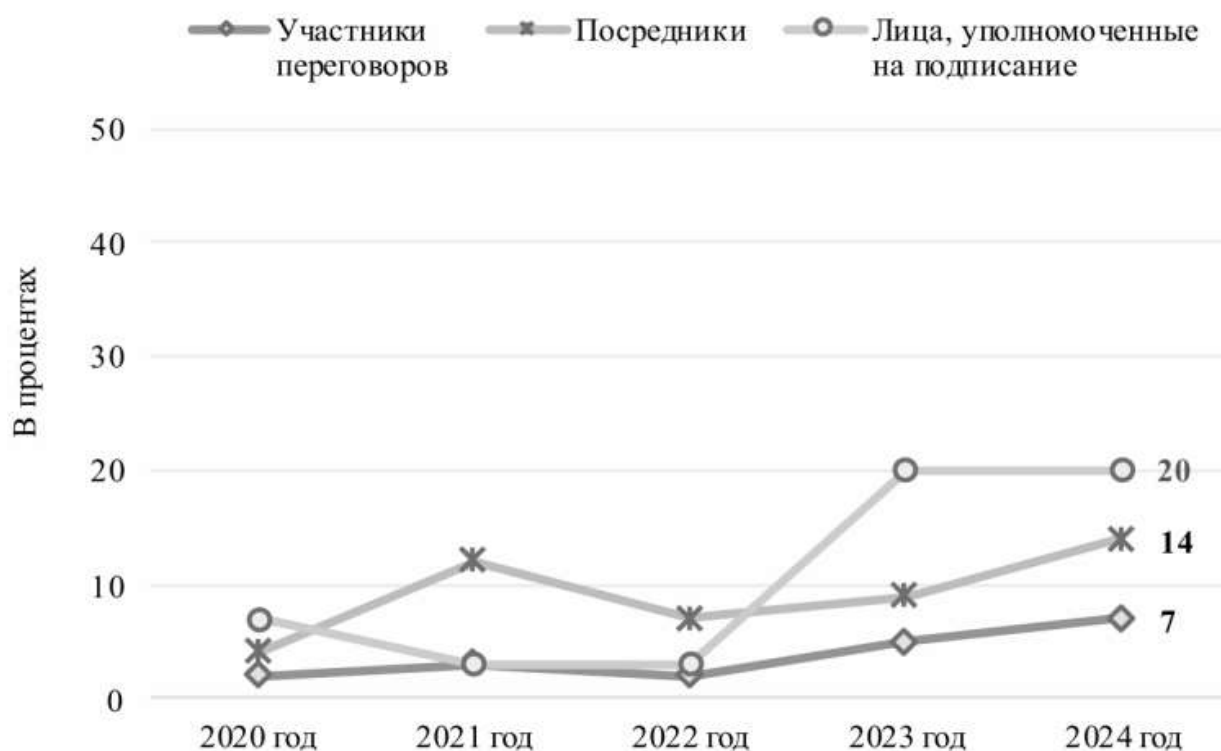

Рис. Участие женщин в основных мирных процессах во всем мире, 2020–2024 годы

Столь маргинальное положение женщин в институциональной дипломатии напрямую связано с кризисом финансирования. Глобальные военные расходы в 2024 году продемонстрировали беспрецедентный скачок на 9,4 %, превысив колоссальную отметку в 2,7 трлн долл. США. На фоне этой милитаризации объем двусторонней помощи, выделяемой женским правозащитным и миротворческим организациям в странах с высокой нестабильностью, составил мизерные 186 млн долл. США (около 0,4 % от общего объема помощи), что красноречиво подтверждает платформу EDVAW, заявляющую о радикальном разрыве между нормативными декларациями ООН и реальной политической волей [4, с. 38; 6, с. 2].

Осознавая коллапс формальных международных интервенций, женщины на местах вынужденно формируют собственные стратегии выживания и миростроительства, демонстрируя поразительную эффективность «повседневного феминизма». Наиболее рельефно этот феномен проявляется в Африке, в частности в Сахеле, где, по данным Global Terrorism Index, сегодня сосредоточены самые быстрорастущие и смертоносные террористические группировки в мире (на Африку приходится 48 % глобальных смертей от терроризма, а 87 % атак в Сахеле сконцентрированы в Мали и Буркина-Фасо) [7, с. 5]. Исследователи фиксируют, что в условиях, когда мужчины массово гибнут, уходят в подполье или примыкают к джихадистам (Боко Харам, ИГ), именно женщины берут на себя функции глав домохозяйств и инициаторов межконфессионального диалога. Так, в нигерийском Майдугури сеть организаций гражданского общества штата Борно, возглавляемая женщинами, координирует гуманитарную помощь и ведет сложнейшие переговоры с инсургентами об освобождении похищенных детей.

В малийском Гао коалиция из 76 женских ассоциаций «Case de la Paix» («Дом мира») смогла не только принудить вооруженные группы к локальному прекращению огня, но и пролоббировать 30-процентную квоту для женщин в местных советах [7, с. 9]. Аналогичная созидательная работа ведется в Мавритании, где в рамках регионального механизма G5 Sahel проект «Mourchidates» успешно обучает женщин – религиозных лидеров навыкам деконструкции экстремистской теологии и раннего предупреждения насильственного радикализма на уровне общин [8, с. 19]. Данный опыт доказывает, что, когда женщинам предоставляются экономические инструменты и площадки для коммуникации, их локальные сети становятся наиболее плотным и надежным фильтром, отсеивающим деструктивную пропаганду.

Переходя к анализу опыта Российской Федерации, следует подчеркнуть формирование уникальной, суверенной стратегии ПНЭ, органично синтезирующей задачи обеспечения государственной безопасности с миростроительством через призму защиты культурно-исторического кода.

Криминологическая статистика МВД России указывает на остроту проблемы: если в 2023 году наблюдалось снижение преступлений экстремистской направленности, то в 2024 году зафиксирован их резкий скачок на 28,3 % (1719 преступлений), а за первое полугодие 2025 года тенденция закрепилась ростом еще на 38,8 % (1137 преступлений) [11, с. 136]. Основным вектором деструктивного вербовочного влияния, осуществляемого, в том числе, агентурой геополитического противника, стала российская молодежь в цифровой среде. Ответной мерой институционального характера стало утверждение Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Указом от 28 декабря 2024 года № 1124 новой, бессрочной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [10; 11, с. 136]. В документе фундаментально расширен понятийный аппарат (введены категории «ксенофобия», «русофобия»), а в качестве главных внутренних и внешних угроз обозначены фальсификация истории, инспирирование сепаратизма, использование технологий искусственного интеллекта в вербовке и деструктивное идеологическое воздействие, разрушающее единство общества.

В этой парадигме роль женщины в миростроительстве и профилактике экстремизма в России концептуализируется иначе, чем в западных либеральных демократиях. Основной акцент делается на консолидирующий потенциал традиционных ценностей и институт крепкой семьи. Именно семья, в которой женщина традиционно несет ключевую воспитательную функцию, признается важнейшим субъектом выявления ранних признаков радикализации молодежи и формирования у нее устойчивого иммунитета к неонацистской и псевдорелигиозной пропаганде. В то же время государство активно подключает международные форматы для проецирования своего видения безопасности. Как справедливо отмечает Е. Н. Клещина, деятельность Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и BRICS (далее – БРИКС) приобретает первостепенное значение: так, в Казанской декларации XVI саммита БРИКС (октябрь 2024 г.) закреплён курс на принятие всеобъемлющей Конвенции Организации Объединённых Наций о борьбе с международным терроризмом, а Региональная антитеррористическая структура ШОС системно координирует перехват экстремистского контента [12, с. 134; 13, с.137]. Внедрение женского экспертного потенциала в работу профильных подгрупп антитеррористических комиссий этих международных блоков способно значительно повысить эффективность аналитической и профилактической работы.

С целью систематизации различных концептуальных подходов к роли женщин в процессах миростроительства и ПНЭ, выявленных в ходе исследования международных докладов и российской нормативной базы, целесообразно представить их в виде сравнительной таблицы.

Сравнительная характеристика концептуальных подходов к роли женщин в противодействии экстремизму и миростроительстве

Критерий сравнения	Глобальный (ООН / западный) подход	Российский (суверенный) подход
Базовая парадигма	Феминистская внешняя политика, институционализация гендерных квот, деконструкция патриархальных норм безопасности	Защита духовно-нравственных ценностей, сохранение традиционной семьи и общероссийской гражданской идентичности
Приоритетный уровень воздействия	Интеграция женщин в официальные правительственные делегации, миссии по поддержанию мира (уровень принятия решений)	Укрепление макросоциальной стабильности, гражданское единение, превентивная роль материнства на микроуровне (воспитание)
Ключевые инструменты ПНЭ	Прямое донорское финансирование независимых женских НПО, формирование сетей локальных медиаторов (например, FemWise-Africa)	Государственно-общественное партнерство, сотрудничество с традиционными религиозными конфессиями, кибермониторинг
Восприятие женской субъектности	Женщина как независимый политический актор, правозащитник, трансформирующий сложившийся институциональный порядок	Женщина как хранительница культурного кода и социокультурной гармонии, интегрированная в солидарную модель общества

Синтезируя данные международной практики и российской стратегической линии, следует заключить, что эффективность противодействия насильственному экстремизму напрямую зависит от отказа от «гендерной слепоты». Женщины, сталкиваясь с катастрофическими последствиями конфликтов – от физического насилия до полного экономического коллапса, – аккумулируют мощнейший ресурс низовой резистентности. Использование этого потенциала требует не только официальных политических деклараций, но и создания реальных социально-экономических условий,

при которых женские гражданские и семейные инициативы получают системную государственную и международную поддержку.

Таким образом, проведенный масштабный анализ доказывает, что противодействие насильственному экстремизму представляет собой не исключительно правоохранительную задачу, а многомерный процесс миростроительства, требующий тонкой настройки социально-политических технологий. Изучение глобального контекста выявляет тревожный дисбаланс: несмотря на четвертьвековую историю повестки «Женщины, мир и безопасность», формальное участие женщин в мирных процессах стагнирует на отметке в 7 %, а финансовые потоки несоизмеримо смещены в сторону милитаризации в ущерб превентивным социальным программам. Вместе с тем эмпирический опыт стран Африки и Ближнего Востока доказывает высочайшую результативность низовой женской дипломатии, способной купировать экстремистские угрозы там, где пасуют государственные институты. На фоне этих общемировых вызовов Российская Федерация формирует жесткую, но ценностно-ориентированную модель безопасности, закреплённую в Стратегии противодействия экстремизму 2024 года. В рамках российского подхода главным щитом против радикализации выступают не навязанные извне гендерные квоты, а консолидация общества вокруг традиционных духовно-нравственных ориентиров и института семьи, где созидательная роль женщины неоспорима. Представляется очевидным, что дальнейшее повышение эффективности ПНЭ кроется в гармоничном синтезе суверенных профилактических практик с ресурсами многостороннего международного сотрудничества (БРИКС, ШОС, СНГ) для создания непреодолимого социального барьера на пути деструктивных идеологий.

Библиографический список

1. Нагайчук А. Ф., Абгаджав Д. А., Мусаев А. И. Миротворческая деятельность и концепция миростроительства : от рассуждений к практической социально-политической технологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 444–458.

2. Противодействие насильственному экстремизму : Вводное руководство по концепциям, разработке программ и передовой практике / НКО «Поиск общих интересов», центр «Хедайя». Вашингтон : Search for Common Ground, 2019. 208 с.

3. Tomaro Q. C. Preventing and countering violent extremism: the logics of women's participation // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79. No. 3. С. 341–363.

4. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Женщины и мир и безопасность : Доклад Генерального секретаря (S/2025/556). Нью-Йорк : ООН, 2025. 48 с.

5. Facts and Figures : Women, Peace and Security // UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-women-peace-and-security> (дата обращения: 16.03.2026).

6. Position paper by the EDVAW Platform on the occasion of the 25th anniversary of the Women, Peace, and Security agenda. Geneva : OHCHR, 2025. 36 с.

7. Tripp A. M., Maiga A., Yahi M. "We Are Always Each Other's Keeper": Transformative Dimensions of Women's Local Peacebuilding in Africa // Global Studies Quarterly. 2025. Vol. 5. С. 1–12.

8. Strategies and Partnerships for Advancing the Women, Peace and Security Agenda between Mauritania and Italy. Rome : UNICRI, 2025. 46 с.

9. Море́йра М. Х. Важность устойчивости для повестки дня по вопросам женщин, мира и безопасности, особенно во время пандемии Covid-19 // Connections : The Quarterly Journal. 2020. Vol. 19. № 4. С. 102–113.

10. Путин утвердил новую стратегию противодействия экстремизму // Ведомости. 28 декабря 2024 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/28/1084467-putin-utverdil-novuyu-strategiyu-protivodeistviya-ekstremizmu> (дата обращения: 17.03.2026).

11. Прокофьева Т. В. Противодействие экстремизму : современные угрозы и ответные организационно-правовые меры // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2025. Вып. 4 (857). С. 135–140.

12. Клещина Е. Н. Эволюция стратегий и роль деятельности международных организаций в борьбе с экстремизмом в условиях современных угроз // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 3 (75). С. 132–138.

13. Кашкин С. Ю. Противодействие насильственному экстремизму. Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире» // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 186–189.

14. The Women, Peace and Security Agenda in NATO and Beyond : The Way Forward // RUSI Conference Report. London : Royal United Services Institute, 2025. 10 с.

© Горячева Н. Ю., 2026